

УДК 821.161.1.09-3

**ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
ГЕРОЯ-ИНТЕЛЛИГЕНТА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ
(ПО РОМАНУ Ю. В. БОНДАРЕВА «ИСКУШЕНИЕ»)**

Л. С. Шкурат

Липецкий государственный педагогический университет
кафедра русского языка как иностранного

Анализируется роман Ю. В. Бондарева «Искушение» под знаком художественного решения в нем типологической для всей прозы писателя проблемы духовно-нравственного самоопределения личности в противоречивую эпоху рубежа XX–XXI веков, вины и ответственности человека за негативные процессы, которые происходят в мире и затрагивают все сферы жизни. Отмечаются изменения в осмыслении данной проблемы в позднем творчестве Бондарева. Анализ ключевых эпизодов романа позволяет проследить духовную эволюцию главного героя произведения, нравственные метания которого оттеняются выбором других персонажей «Искушения». Делается вывод о том, что и беспрекословное подчинение противнику, и путь мщения врагу оказываются, по мнению Бондарева, одинаково бесперспективными и ведут героев к гибели. Главный герой произведения остается на пороге нравственного выбора, не определившись окончательно с возможными способами противостояния злу. Открытый финал романа «Искушение» следует рассматривать и как свидетельство непростых духовных исканий самого Бондарева в этот период, и как авторское приглашение читателей к активному со-размышлению над поставленной проблемой.

Ключевые слова: Ю. В. Бондарев, роман «Искушение», нравственный выбор, духовно-нравственные проблемы, трагическая судьба.

Проблема духовно-нравственного самоопределения личности, ведущая в прозе Бондарева 70-80-х годов XX века (подробнее об этом см.: [11]), продолжает занимать центральное положение в позднем творчестве писателя. Однако в ее осмыслении в «переломные» для судьбы России 90-е годы, насыщенные драматическими противоречиями и трагическими событиями, намечается существенный сдвиг, свидетельствующий о непростых духовных исканиях самого автора в этот период. Каждое произведение, созданное писателем на рубеже XX–XXI веков, становится живым авторским откликом на происходящие в стране изменения, вбирает в себя многие «изломы» переходной эпохи.

Открывает поздний этап творческой эволюции Бондарева роман «Искушение» (1991). Этот роман, впрочем, как и вся поздняя проза автора, не получил в литературоведении подробного осмысления: о нем лишь вскользь упоминается в критических работах, посвященных общей характеристике художественного мира Бондарева. Некоторые особенности «Искушения» рассматриваются в статьях Ю. Черепанова [8], И. Рогощенкова [5]. Мы считаем совершенно незаслуженным отсутствие интереса критиков и литературоведов к этому произведению писателя. Роман «Искушение» был написан в период, когда со всей отчетливостью в обще-

стве обозначилась проблема возможного исчезновения человечества перед лицом экологической катастрофы, и Бондарев, всегда занимавший активную гражданскую и общественную позицию, не мог не выразить свое мнение по этому вопросу, не утратившему своей актуальности и в наши дни.

Следует заметить, что проблемы, связанные с разрушительным вторжением человека в мир природы, впервые появились в созданных десятилетием ранее романах Бондарева «Выбор» и «Игра». Герой романа «Выбор», художник-график Лопатин, много путешествующий по России, повсюду замечает следы неразумного отношения людей к природе. Он рассказывает своему другу Владимиру Васильеву о том, какую картину он увидел на Азове, где химикатами травили комаров: «Представь утреннее море все белое, все будто в огромных белых плотках – тысячи мертвых сазанов, вверх брюхом», – и вслух размышляет: «Идиотизм, понимаешь ли ты, несусветный, глупость перворазрядная... Для того чтобы ногти почистить, руку отрубают. После нас хоть потоп. Головками не хотят думать, что будет завтра. Зато комариков нет. А комариков нет – и птицы нет. А птицы нет – и в садах и огородах ничего нет, гусеница все жрет. Зато комарики не кусают» [1, с. 260]. Конечно, есть еще места, где сохранилась естественная красота природы и трепетное отношение к ней человека («Кое-где еще остались островки Руси, слава Богу» [Там же, с. 15]), но с каждым годом их становится все меньше, и трудно сказать, что ждет человечество через несколько десятков лет. Сцена массового убийства рыбы в романе «Игра» наталкивает Вячеслава Крымова на мысль, что эта «запрограммированная неразумность» людей «через двадцать лет умертвит все живое даже на Севере» [2, с. 466], и в воображении героя, глубоко обеспокоенного непомерным разрастанием в мире зла, его активизацией, возникают картины приближающегося Апокалипсиса.

Экологическая проблематика, которая кажется на первый взгляд основной в романе «Искушение», на самом деле является лишь частью целого комплекса проблем, философское исследование которых проводит писатель. Основу сюжета произведения составляет коллизия морально-психологического свойства, а его герои-интеллигенты оказываются перед необходимостью духовно-нравственного выбора, поступка в сложной жизненной ситуации.

Универсальное значение приобретает в романе тема «покривившегося хода жизни», которая возникает уже на его первых страницах. Действие в «Искушении» открывается похоронами академика Григорьева, директора института экологических проблем. В сцене на кладбище все представляется главному герою романа, Игорю Дроздову, фальшивым и противоестественным. Диким и абсурдным кажется ему любопытство посторонних людей, с завистью оглядывавших дорогой гроб и пышные венки. Дроздов чувствует фальшь в «неумеренных в горестном упоении» [Там же, с. 5] речах пришедших на кладбище сотрудников института. Его неприятие вызывают заискивающие взгляды ученика Григорьева, доктора наук Чернышова, обращенные на давнего оппонента и соперника своего учителя, вице-президента Академии наук Козина. Более того, как оказалось, не была исполнена и последняя воля покойного, его духовное завещание – провести отпевание в церкви Святой Троицы и похоронить рядом с могилой дочери, что тоже воспринимается Дроздовым как факт негласного предательства Григорьева, совершенного его близкими. Конечно, академика Григорьева трудно было назвать религиозным человеком. Стоит вспомнить следующую деталь: в его кабинете висит не икона, а большая фотография звездного неба, перед которой незадолго до смерти ученый простаивал часами. Он никого не посвящал в свои мысли, даже родных людей. О чем думал Григо-

рьев, созерцая «неисчислимыя созвездия, выстроенные в геометрические фигуры, в таинственные треугольники, квадраты, зигзаги неистово яркого, густо заполненного звездами неба, непостижимого, сплошь живого, пугающего глубиной каких-то страшных взвездных закономерностей, неподвластных пониманию смертных» [Там же, с. 14]? Может быть, о вселенском бессмертии и краткосрочности земной жизни человека? Или о сделанном им выборе, понимание преступности которого приходит к герою на пороге жизни и смерти?

С вехом Григорьева оказались затоплены плодородные земли и вырублены тысячи гектаров ценнейшего леса. Только перед самой кончиной академик осознал, что по сути дела он был пособником преступников, посягнувших на святая святых – природный мир. Он не искал оправдания своим поступкам и жил последние месяцы в ожидании неотвратимого наказания, приближающегося Судного дня. Одиноким, больной, всеми забытым, Григорьев умер в отчаянии, отказавшись от еды и человеческого общения, терзаемый непроходящим чувством собственной вины, к сожалению, запоздалой и уже бездейственной.

Теперь министерским чиновникам важно, чтобы освободившийся пост директора занял «свой человек», который будет безропотно подписывать любой проект. Многие прочтут эту должность Игорю Дроздову, ученому, уважаемому в институте, имеющему свою точку зрения и стремящемуся быть ни от кого не зависимым. Именно Дроздову была адресована предсмертная записка Григорьева вместе с документами о проекте Чилимской ГЭС, которые он так и не осмелился передать «наверх». Академик надеялся, что его заместитель сможет исправить допущенные им ошибки.

Дроздов так же, как и его друг ученый-гидролог Тарутин, знает о преступности многих проектов, принимаемых в институте экологических проблем. Видя, как природа подвергается насилию, Тарутин вступает в открытое противостояние с людьми, использующими родную землю в собственных корыстных интересах. На вечеру у Чернышова он, отбросив благоразумную осторожность, спорит с академиком Козиним и обвиняет его и всех сотрудников института в преступной деятельности, в предательстве родины. Тарутин сознательно ставит себя в положение «одного против всех», а в его обличающих словах звучат ненависть и презрение к коллегам, вызывающие их ответную злобу. Тарутин покидает дом Чернышова под возмущенные крики беснующейся толпы, объявившей его «новым Чацким», сумасшедшим.

В отличие от своего друга, Дроздов поначалу сохраняет надежду на здравый смысл ученых-экологов. По его мнению, ненависть Тарутина разрушительна прежде всего для него самого, и «надо действовать иначе» [Там же, с. 167]. Героя останавливает еще одно обстоятельство: страх за жизнь сына. Тарутин – одинокий человек, у него нет семьи, поэтому он со всей непримиримостью утверждает свою позицию, не опасаясь за судьбу близких людей.

Только однажды Тарутину приоткрываются иные возможности жизни и иные способы выстраивания человеческих взаимоотношений. Долгое время он не может забыть фразу «Умиротворение ищи в своем доме», услышанную при необычных обстоятельствах. Тарутин рассказывает Дроздову о том, как, путешествуя несколько лет назад по Турции, он оказался у ворот маленькой церкви, где прошли последние земные дни Девы Марии. Каждая деталь, возникшая в повествовании Тарутина о его пребывании около церкви Богоматери, имеет символический, даже сакральный смысл: то, что герой «отбился» от группы туристов и заблудился и в прямом смысле этого слова – «сбил с пути, потерял дорогу», и в переносном –

«потерял ориентиры в жизни», «сбился с правильного жизненного пути». В этом контексте нам представляется совершенно уместным соотношение образа Тарутина с евангельским образом «заблудшей овцы».

Утратив верное направление движения, Тарутин все же добрал до «жилища», которым оказался храм – дом Божий: «Иду по накаленным солнцем камням и тут в жарком воздухе на горе слышу очень внятные слова: “Умиротворение ищи в своем доме”. Я, знаешь ли, даже вздрогнул. Кто это говорит? Чей это голос? Ведь вокруг ни души... Остановился, вижу: навстречу мне идет к воротам и смотрит мне прямо в глаза молодая монашенка, с головы до ног в черном. Помню, я чуть с ума не сошел. Кто она? Откуда она появилась? <...> Она идет навстречу, а я стою и молчу как пень. Тогда она повернулась, пошла прочь и исчезла. Мираж? Нет! Все было реально» [Там же, с. 159]. Символично, что, соприкоснувшись с божественным, Тарутин почувствовал, что «готов упасть на колени, поползти к ней, целовать край одежды» [Там же]. В видении герою явилась сама Богородица, которая указала ему единственно верный путь, ведущий к преодолению душевного разлада. Главный смысл Ее фразы, обращенной к Тарутину, в том, что мир и согласие в семье способны дать человеку духовные силы, которые помогут ему стойко переносить страдания и скорби.

Однако покаянное движение Тарутина (упасть на колени, целовать край одежды) не эксплицируется, сверх того, герой не только не вразумляется, но и произносит кощунственные слова: «Сейчас ни у кого, кто шевелит хоть одной извилиной, нет ни Бога, ни надежного дома. Какое умиротворение! Какие обиды! <...> я уже не сомневаюсь, что наш мир кувыркается и летит в тартарары. Через десять-пятнадцать лет мы все превратимся в идиотов и рабов на отравленной и безлюбовной земле. Править будет сатана» [Там же]. Позднее Дроздов, несогласный с Тарутиным, несколько раз напоминает другу о словах монашенки, но тот уже «переступил черту» и «готов на все»: Тарутин ни во что не верит и, по его личному признанию, ничего не боится: «ни Бога, ни черта, ни тюрьмы, ни смерти» [Там же, с. 169]. Дроздов находится в ином, чем Тарутин, положении: он ответствен не только за себя, но и за маленького сына и не может допустить, чтобы с его Митей случилась трагедия.

Кульминацией романа является эпизод посещения Дроздовым «охотничьего домика», куда герой едет по приглашению министра и где происходит его встреча с Татарчуком, наделенным большой силой и властью. Не случаен выбор места действия, в котором разворачиваются события. В «охотничьем домике», в непридуманной обстановке, по мнению министра, будет проще склонить Дроздова на свою сторону. Здесь «сильные мира сего» будут искушать героя властью и высоким положением в обществе, обещая все блага мира взамен на беспрекословное подчинение их приказам, катастрофичным с экологической точки зрения. Так в романе актуализируется евангельский мотив испытания, искушения, и Дроздову в этой ситуации предстоит сделать тяжелейший нравственный выбор, от исхода которого зависит не только его личная судьба, но и ближайшее будущее многокилометровых территорий страны: их сохранение в природной первозданности или вырождение и неминуемая гибель.

Приехав в «охотничий домик», Дроздов видит живописный уголок природы: «озеро, далеко синее до противоположного берега, где на песчаной возвышенности золотились под солнцем медовые стволы сосен, за ними грядами уходили в стеклянный туманец рязанские леса. С озера, из-за дальних заросших кугой островов, время от времени доносились бухающие выстрелы, раздробленным эхом

катились по воде, стихали в лесах» [Там же, с. 206]. Звуки выстрелов герой пока еще не воспринимает как нечто, нарушающее гармонию природного мира, поскольку охота издревле считалась занятием, позволяющим прокормить семью. Сам Дроздов, работая в Сибири, несколько раз бывал на охоте, но его охотничьи походы в тайгу прекратились навсегда после того, как однажды он увидел лосенка, который, как ребенок, плакал возле убитой матери-лосихи. Он считает недопустимым убийство животных ради развлечения.

Возвращение чиновников с охоты представляется герою многовековым ритуалом, понятным, но чуждым ему. Однако Дроздова не может не насторожить поведение охотников, в котором было что-то от поведения пещерного человека, их удовлетворение после «наслаждения охотничьим убийством» [Там же, с. 213]. А при виде крови, запекшейся на клювах убитых уток, у него возникает ассоциация, что так бывает «в углах рта насмерть избитого человека» [Там же, с. 214]. Позже герой узнает, что во время охоты произошло то, чему невозможно найти оправдание, – убийство красавца-журавля, совершенное по ошибке одним из чиновников. В этом случайном убийстве заложен символический смысл: неведение одних и корыстный умысел других способны нанести непоправимый вред природе и человеку.

Ю. И. Сохряков проводит параллели между эпизодом пребывания Дроздова в «охотничьем домике» и легендой о Великом Инквизиторе [6, с. 274–281.]. Всемирно известный ученый, академик Козин произносит слова, напоминающие программу Великого Инквизитора: «Истина – в хлебах! В хлебах! Накормить человечество и надеть на тело одежды – вот она, великая истина!» [2, с. 220]. Такую «сладкую ложь», обещание скорого благоденствия чиновники предложили жителям Чилима, искренне поверившим, что по созданному водохранилищу «катера, теплоходы пойдут, зону отдыха в тайге откроют. Можно будет на пляжах загорать, пиво попивать около водицы. Товары из центра завозить начнут» [Там же, с. 316]. На самом деле после строительства водохранилища «вместо белых парусов будет мертвая зона в пятьсот километров. Гнилое море с плавающими бревнами, с обезображенными берегами и останками затопленных селений» [Там же, с. 172], а местное население будет отравлено попавшей в воду ртутью и погибнет от неизлечимых болезней. Так тема грядущего Апокалипсиса, появившаяся в романе «Игра», получает в «Искушении» свое художественное наполнение и дальнейшее развитие.

Полемизируя с известным библейским выражением «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4 : 4), Козин отвергает главенство духовного над материальным и утверждает: «И не надобно вспоминать банальную, набившую оскомину формулу: не хлебом единым... Не красота и не красотишка спасет мир, а хлеб! Хлеб! Христа распяли в первом веке. В двадцатом и двадцать первом, надо полагать, второго пришествия не будет. Ежели явится Мессия, его распнут снова. Только по-современному! Изощренно! Не накормит человечество – распнут!» [Там же, с. 220]. Козин убежден, что хлеб насущнее нравственности, но вне нравственности у человека нет будущего: его ожидает неизбежное одичание и гибель. Дроздов, вспоминая его перекошенное злобой лицо на вечеру у Чернышова, решает про себя, что «в старике есть какая-то самонадеянность дьявола» [Там же, с. 194]. Сатанинская сущность академика проявляется и в его внешнем облике: в описании Козина автор выделяет такие черты, как «колющий, с безуминкой взгляд» [Там же, с. 118], крючковатую бородку, скрипучий голос и еще – одержимость на лице во время спора. Именно эти признаки как характерные приметы «сатанинского человека» отмечает И. А. Ильин в статье «О демонизме и сатанизме» [3, с. 278–280].

Татарчук полностью поддерживает мнение Козина, но поначалу он говорит с Дроздовым притворно дружелюбным тоном, пытаясь убедить героя в нецелесообразности и бессмысленности сопротивления их силе. В аргументах Татарчука, обращенных к Дроздову, постоянно звучит слово «воевать» и близкие ему по смыслу выражения: «не пора ли нам к пониманию, к согласию прийти, как говорится, не военным, а мирным способом» [2, с. 227], «Что же мы... воевать будем? <...> Не придем к согласию и пойдем на смертный бой?» [Там же, с. 229] и т. п. Попытки очаровать, фальшивая церемонность с Дроздовым, не принесшие желаемых результатов, вскоре сменяются открытыми угрозами Татарчука: «Но уж только... победы под Москвой... и Сталинградом не будет, не ждите! <...> К чему же вам губить себя на беспобедной войне? Вас, плотиноненавистников, воспринимают не как спасителей, отнюдь не как Мессию, а как консерваторов, варваров, даже вредителей. Христос, увы, архаичен. Антихрист ходит по земле без маски» [Там же, с. 245]. Победы под Москвой и Сталинградом были важными, переломными моментами в ходе Великой Отечественной войны. Упоминая их, Татарчук сознательно ставит себя на сторону противника, больше того, он совершенно уверен в своей победе, так как чувствует сильнейшую поддержку со стороны антихристианских сил: «А на что вам война, битва зачем? Помилуйте, у противника танковые армии, армады авионов, извините за цинизм, а у вас жалкие трехлинейки, винтовки образца девяносто первого дробь тридцатого года. Да и то – одна на двоих. К чему кровопролитие? К чему вражда? К чему жертвы?» [Там же, с. 243].

Дроздов не поддается искушению, оставаясь непоколебимым в своих убеждениях. Он покидает «охотничий домик» в разгар происходящей там вакханалии: «В зале были погашены люстры, горели лишь несколько бра, накрытые прозрачной зеленой материей, и будто в зеленовато-мутной воде двигались, прыгали босиком по ковру в сумасшедшем ритме белеющие фигуры, как ожившие статуи в лунном парке; проступали на диванах полунагие тела, и кто-то огромный в распахнутом халате, с бутылкой шампанского в руке, обезумело вскрикивая: “Раз живем, раз живем!” – глыбой пошатывался посреди танцующих, пытаясь выделять слоновьими ногами затейливые кренделя» [Там же, с. 260]. Эта пляска обездушенных тел вполне может быть соотносима, по нашему мнению, с разгулом inferнальных сил.

После пребывания в «охотничьем домике» Дроздову, не имевшему фронтового опыта, приснится кошмарный военный сон, рассказанный ему когда-то отцом. Герой видит себя тяжело раненным на краю огромной воронки, чувствует безмерное одиночество и естественное желание выжить, которое подталкивает его к последнему рывку – выстрелу в бегущую к воронке фигуру. Оказалось, что Игорь выстрелил не в немца, а в своего сержанта, который выпустил в него ответную пулеметную очередь. Во сне Дроздова оказываются сопряжены различные временные пласты: военный эпизод и события сегодняшнего дня. Но в современном мире герою трудно отграничить добро от зла, «свое» от «чужого», «родное» от «враждебного», материализованных в его сне в фигурах немца и русского сержанта.

Еще одним испытанием для Дроздова становится известие о жестоком убийстве Тарутина в Чилиме. Дроздов сам отправляется в Чилим, чтобы разобраться в обстоятельствах гибели друга. Прежде таежный край манил его как «земля обетованная», теперь герой видит дорогу, «изуродованную» тракторными гусеницами, «унылую, враждебную» реку, превращенную в «сточную канаву», и слышит повсюду гул моторов бульдозеров, который свидетельствует о том, что строительство ГЭС начато без утвержденного проекта и уже пришли в движение «маховики многосиль-

ного и слаженного механизма» [Там же, с. 313], направленного на разрушение основ жизни.

Постепенно у героя нарастает чувство трагического отчаяния. После убийства Тарутина он со всей очевидностью осознает, что все события, произошедшие с ним в последнее время, связаны друг с другом невидимыми, но прочными нитями: смерть Григорьева, которого, по словам его жены, «убили» бывшие коллеги, предав при жизни полному забвению; скандальный вечер у Чернышова, на котором предельно обнажилась взаимная ненависть Тарутина и его сослуживцев; приглашение в «охотничий домик», искушающие обещания Татарчука и анонимные звонки по телефону с угрозами; и, наконец, убийство Тарутина, которое в первую очередь было средством устрашения Дроздова, свидетельством реальности звучащих в его адрес угроз. По-иному Дроздов расценивает после всего случившегося свое приглашение в «охотничий домик»: не на него ли началась «обложная охота» после его отказа подчиниться Татарчуку? Связь между всеми этими происшествиями и трагическими событиями кажется герою затянутым узлом, даже физически ощущаемым им как «медленная удавка».

Увиденное в Чилиме Дроздов воспринимает как всеобщий заговор, в результате которого природный мир, а вместе с ним и вся страна начали свой крестный путь на Голгофу. Вспоминая разговор со следователем, герой размышляет: «Чилимскому председателю исполкома тридцать шесть лет. На три года старше Христа! Но почему-то кажется, что с послушной улыбкой первый гвоздь для распятия подал бы и он. Новые карьеристы на местах в заговоре с московскими монополиями, и страну распинают они вместе. И Чепцову <следователю> лет тридцать пять» [Там же, с. 332]. Непрекращающийся дождь в Москве вызывает у Дроздова ассоциацию с начавшимся мировым потопом, а по меткому выражению одного из героев романа, «вся Москва вроде в мокром мешке сидит» [Там же, с. 332]. Это сравнение отсылает к средневековому способу казни, когда провинившийся погибал, сброшенный в реку в завязанном мешке.

Обстоятельства подталкивают Дроздова к пересмотру своей жизненной позиции, и он отказывается от мысли о возможности мирных способов преодоления зла. Герой обвиняет коллегу Тарутина Улыбышева, который всегда преклонялся перед мнением своего «старшего товарища», в том, что он, находясь недалеко от места трагедии, не отомстил убийцам Тарутина. Дроздов считает месть за гибель друга «актом справедливости». Он презирает Улыбышева, называя его Иудой, предавшим своего учителя «до третьего крика петуха» [Там же, с. 310], и не воспринимает его доводы, его с надрывом произнесенные слова: «Что я должен был сделать – убить их? Но я тоже был бы убийцей» [Там же]. Дроздов не слышит обращенной к нему мольбы его возлюбленной Валерии: «Остановись, ради Бога. <...> Я тебя очень прошу. Ты ждал и хочешь от него <от Улыбышева> жестокости? Это было бы еще хуже» [Там же, с. 311]. Все дальнейшие поступки героя: спор со следователем, участие в драке в чилимской пивной, бывшей явной провокацией, на которую поддается Дроздов, и то, что он заряжает охотничье ружье, долгие годы висевшее в его кабинете незаряженным, – говорят о том, что после гибели Тарутина Дроздов теряет равновесие и начинает думать о неизбежности открытого противостояния силам зла.

Дроздов чувствует, что почва уходит у него из-под ног, и не может найти «точку опоры». В предыдущих романах Бондарева таким стержнем и духовным оплотом становился для главных героев храм, в который их приводили разные жиз-

ненные обстоятельства и из которого они выходили духовно просветленные, нашедшие в вечности незыблемую духовную опору. В «Искушении» образ храма возникает в повествовании дважды: в рассказе Тарутина о встрече с монахиней возле церкви Святой Девы Марии и в воспоминании Дроздова о посещении им в юности Троице-Сергиевой Лавры.

Считаем необходимым сделать небольшое отступление, которое позволит прояснить существенные моменты художественной характерологии Бондарева. Интересные в этом плане наблюдения содержатся в монографии В. В. Компанейца [4]. Анализируя произведения В. Г. Распутина и Ю. В. Бондарева, исследователь развивает мысль, высказанную о П. Флоренским, который разграничивал в своих работах понятия «мужской истины» и «женской правды» [7, с. 240]. В ходе рассуждений В. В. Компанеец приходит к следующему выводу: «Распутин занят, главным образом, постижением “женской правды”», а Бондарев является «певцом “мужской истины”» [4, с. 224]. Действительно, именно мужские характеры занимают центральное положение в художественной системе произведений Бондарева. Тем не менее, на наш взгляд, невозможно согласиться с мыслью В. В. Компанейца, что женские образы в творчестве Бондарева, как правило, «не обладают самостоятельностью, выполняют по существу служебные роли, способствуют выявлению мужских характеров, героев-истинноискателей» [Там же]. Безусловно, женские образы выписаны Бондаревым не столь выпукло, как мужские, но в них скрыта очень глубокая нравственная сила. В художественной концепции произведений они играют далеко не «служебные» роли.

Женские судьбы проходят через жизнь почти всех бондаревских героев-мужчин, озаряют их особым светом. Автор наделяет своих героинь качествами, позволяющими ненавязчиво, исподволь, а иногда даже интуитивно, неосознанно для них самих влиять на ход мыслей героев и направлять их душевные устремления в нужное русло. Это наблюдение подтверждается многими примерами из бондаревских произведений: в связи с этим можно вспомнить о безграничной жертвенной любви Зои Елагиной («Горячий снег») [9; 13]; о материнской любви и всепрощении Веры Лаврентьевны, ее наставлениях сыну («Родственники») [12]; об эпизоде посещения церкви Лидой Никитиной и действенном влиянии на мужа ее любви-сострадания («Берег») [10] и др.

В романе «Искушение» духовно-нравственное самоопределение героев происходит в сложную для страны эпоху, поселившую хаос в их мыслях и чувствах, размывшую четкие границы между добром и злом. Юная Юлия, будущая жена Дроздова, зовет героя в Троице-Сергиеву Лавру, одну из колыбелей русского Православия, чтобы «помолиться о своих грехах» [2, с. 73]. Она носит нательный крест и верит, что «есть что-то вне нас» [Там же]. Но Дроздов чувствует себя посторонним в церкви, где в тот момент совершалась Божественная Литургия, «слышен был хор <...> все светилось огнями, наплывами овеивало ладаном, растопленным воском <...> и в тишине тек <...> речитативно-напевный голос священника» [Там же, с. 75]. В храме не происходит его соборного единения с верующими в общей молитве, которое так характерно для православного богослужения. Слова молитвы кажутся Дроздову чуждыми, бесполезными, да и Юлия входит в Храм Господний в «непотребном одеянии» – брюках. После замечания, сделанного ей монахиней, герои уходят из Лавры, так и не «замолив своих грехов» [Там же, с. 76].

В финале романа Дроздов остается на пороге нравственного выбора. Герой еще не принял окончательного решения, но в его кошмарном сне, завершающем ро-

манное повествование, содержится ответ на вопрос, что может произойти, если он выберет путь мщения. Во сне Дроздова окружает мрак: его дом без единого огонька в окнах кажется герою мертвым, и он испытывает страх и одиночество. Где-то в этом темном доме находится его сын Митя, которому угрожает опасность, и, «охваченный мстительным безумием», «в бешенстве выхрипывая звериное, страшное», с «наслаждением ненависти» [Там же, с. 355], Дроздов вступает в драку с напавшими на него неизвестными и погибает.

Дроздов считает неприемлемым для себя подчинение сатанинским силам. Внутренний голос говорит ему, что мщение приведет его к гибели, что «в ненависти сгорают» [Там же, с. 365], но герой отвергает и христианское смирение и непротivление злу, главенствующие в Нагорной проповеди, как путь к спасению: «Должен быть суд над живой подлостью! И пусть в тартарары летит евангельская умиленность непротivлением, и к чертям все эти храмы, где мечтают молиться за здоровье своих врагов!» [Там же, с. 367]. Вместо этого он придумывает свое: «Безумство бессилия – это невероятная сила», но вряд ли эта умозрительная идея станет для Дроздова спасительной.

Таким образом, в центре романа «Искушение» находится несколько судеб героев-интеллигентов, каждый из которых осознанно и самостоятельно совершает свой нравственный выбор: академик Григорьев пасует в столкновении со злом и подчиняется ему, Тарутин решает мстить своим врагам. Однако оба пути, которые избрали для себя эти персонажи, бесперспективны и приводят их к неизбежной гибели. В отличие от Григорьева и Тарутина, духовно-нравственное самоопределение главного героя произведения, Игоря Дроздова, еще не завершено. Бондарев оставляет финал романа «Искушение» открытым: Дроздов держит на руках сына, крепко прижимая его к себе; он не чувствует себя побежденным и находится в состоянии ожидания грядущих испытаний. Сможет ли он выстоять под натиском враждебных сил или нет? В противоречивую эпоху рубежа веков Бондарев не дает категоричного и однозначного ответа на этот вопрос, предоставляя самим читателям широкое поле для размышлений.

Список литературы

1. Бондарев Ю. В. Выбор: роман. М.: Молодая гвардия, 1981. 319 с.
2. Бондарев Ю. В. Игра. Испытание: романы. М.: ИТРК, 2003. 656 с.
3. Ильин И. А. О демонизме и сатанизме // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Рус. книга, 1996. С. 274–281.
4. Компанеец В. В. Русская социально-философская проза последней трети XX века. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 240 с.
5. Рогощенков И. Живя займы... Заметки на полях романа Ю. Бондарева «Искушение» // Север. 1991. № 8. С. 138–142.
6. Сохряков Ю. И. Творчество Ф. М. Достоевского и русская проза XX века (70–80-е годы). М.: ИМЛИ РАН, 2002. 240 с.
7. Флоренский П. А. Имена. Метафизика имен в историческом освещении // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Т. 3(2). М.: Мысль, 2000. С. 169–234.
8. Черепанов Ю. Лицедеи и холопы // Советская Россия. 1991. 23 мая. С. 4.
9. Шкурат Л. С. Воспитательное значение литературы о Великой Отечественной войне (на материале романа Ю. В. Бондарева «Горячий снег») // Литература в школе. 2010. № 5. С. 20–25.

10. Шкурат Л. С. Любовно-семейные коллизии в романе Ю. В. Бондарева «Берег» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 2 (87). С. 167–169.
11. Шкурат Л. С. Проблема выбора в военной прозе Ю. В. Бондарева 80-х годов XX века (по роману «Выбор») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 267–271.
12. Шкурат Л. С. Проблема духовного распада семьи в повести Ю. В. Бондарева «Родственники» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1 (57). Т. 2. С. 178–181.
13. Шкурат Л. С. Художественная концепция любви в военной прозе Ю. В. Бондарева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 23–28.

**THE PROBLEM OF SPIRITUAL AND MORAL SELF-IDENTIFICATION
OF THE INTELLECTUAL TYPE OF A HERO AT THE TURN
OF XX CENTURY (BASED ON YU.V. BONDAREV'S NOVEL "TEMPTATION")**

L.S. Shkurat

Lipetsk State Pedagogical University
the Department of Russian as a foreign language

The paper analyzes Yu. V. Bondarev's novel «The Temptation» and his approach to the fundamental problems relevant for his prose in general – the spiritual and moral identity of an individual in the contradictory epoch at the turnoff the 20th century, the human guilt and responsibility for global negative processes affecting all spheres of life. Later works of Yu. V. Bondarev demonstrate a change in his approach to the problem. The analysis of the novel's key episodes shows the spiritual development of the protagonist whose moral ambivalence is emphasized by the choice of other characters in «The Temptation». According to Yu. V. Bondarev, absolute obedience to a rival and revenge on the enemy equally lead to nothing, and cause the characters' destruction. The protagonist faces a moral choice finding no possible ways to resist the evil. The open ending of «The Temptation» should be considered both as evidence of difficult spiritual quest of Yu. V. Bondarev in that period, and encouragement for the readers to think over the problem raised.

Keywords: *Yu. V. Bondarev, novel «Temptation», moral choice, issues of ethics and morals, tragic fate.*

Об авторе:

ШКУРАТ Лилия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Липецкого государственного педагогического университета (398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42), e-mail: sh.lilia.s@yandex.ru.

About the author:

SHKURAT Liliya Sergeevna – candidate of Philology, associate Professor of the Department of Russian as a foreign language, Lipetsk State Pedagogical University (398020, Lipetsk, Lenin str., 42), e-mail: sh.lilia.s@yandex.ru.